

Народно-поэтическое наследие семьи в творчестве героя Гражданской войны К. Рослого

Елена Олеговна Кириллова,

кандидат филологических наук, старший научный со-
трудник Центра истории культуры и межкультурных
коммуникаций Института истории, археологии и этногра-
фии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: sevia@rambler.ru

Содержательно статья представляет собой часть предпринятого автором исследования, посвящённого истории гражданской поэзии на Дальнем Востоке России в 1917—1922 гг. В качестве материала привлекаются уже «ушедшие» в историю, забытые или малоизвестные в наши дни произведения поэта-командира Константина Леонтьевича Рослого (1897 или 1898, д. Перетино Сучанской волости Южно-Уссурийского округа Приморской области Российской империи — 1926, Берингово море, Карагинский район Камчатского округа Дальневосточного края, РСФСР). Изучение наследования глубинной народно-поэтической традиции в семье Рослых выполнено на основе обращения к такому знаковому для дальневосточного автора жанру, как военно-исторические песни (в том числе солдатские, рекрутские). Приводимые в статье тексты песенного фольклора бытовали в большой семье Рослых, представители которой переселились на российский Дальний Восток в конце XIX в. Работа построена на материалах фондов российских региональных архивов и музеев, находящихся во Владивостоке и Хабаровске: Государственного архива Приморского края, Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова. Использованы также разнообразные материалы начала 1920-х гг., имеющиеся в личном архиве автора статьи: поэтические сборники, фрагменты публикаций из дальневосточной периодики (газеты, журналы, альманахи), критические отзывы о литераторах, воспоминания очевидцев тех лет.

Ключевые слова: поэзия периода Гражданской войны на Дальнем Востоке, народно-поэтические жанры, военно-исторические песни, поэты-партизаны, К. Рослый.

**The Folk-Poetic Heritage of the Family
in the Works of the Civil War Hero K. Rosly.**

Elena Kirillova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: sevia@rambler.ru.

The paper represents part of the author's research dedicated to the history of Civil War poetry in the Far East of Russia between 1917 and 1922. The focus is on lost to history, forgotten or little-known works by the poet and military commander Konstantin Leontyevich Rosly (1897 or 1898, the Village of Peretino, the Suchansky Volost, the South Ussuri District, the Primorye Region, the Russian Empire — 1926, the Bering Sea, the Karaginsky District, the Kamchatka Region, the Far Eastern Territory, RSFSR). The study was carried out to explore the inheritance of deep-rooted folk-poetic traditions within the Rosly family through the analysis of such significant genre for the Far Eastern author as military-historical songs (including soldiers' and recruit songs). The paper presents folkloric texts that were preserved in the large Rosly family, whose members had moved to the Russian Far East at the end of the nineteenth century. The work is based on the materials of the funds of Russian regional archives and museums located in Vladivostok and Khabarovsk: the State Archive of the Primorye Region, the Russian State Historical Archive of the Far East, the Khabarovsk Regional Museum Named after N.I. Grodekov. Besides, the variety of materials from the early 1920s were used, which are in the author's personal archive: poetry collections, fragments of publications from Far Eastern periodicals (newspapers, magazines, almanacs), critical reviews of writers, recollections of eyewitnesses from that time.

Keywords: poetry of the period of the Civil War in the Far East, folk poetry genres, military-historical songs, partisan poets, K. Rosly.

Актуальность поставленной в рамках данного исследования проблемы обусловлена недостаточной изученностью гражданской поэзии, сформировавшейся в литературном процессе Дальнего Востока России начала 1920-х гг. как особое направление. Требует также современного взгляда и подход к переосмыслинию идеологизированности творчества поэтов-авторов тех лет, который был характерен для советского литературоведения. Осмысление героики прошлых лет с использованием архивных источников, ранее не вводимых в исследовательский оборот документов, безусловно, высвечивает многих поэтов того времени в ореоле трагических судеб. Обращение к заявленной проблеме также видится актуальным в рамках патриотического воспитания подрастающего поколения, сохранения и эволюции традиционных гражданских ценностей в современном обществе.

Целью данной работы в широком смысле является анализ материалов (сбор которых продолжается), относящихся к творчеству К. Рослого, известного поэта-партизана и участника Гражданской войны на Дальнем Востоке. Однако логика размышлений о рано ушедшем из жизни приморском литераторе выстраивается посредством обращения к народно-поэтическому наследию его семьи. Так, в результате изучения дошедшего до наших дней песенного фольклора, который бытовал в большой семье Рослых, особенно среди её старших представителей, раскрываются истоки той фольклорной традиции, которая почти в буквальном смысле сделала К. Рослого «певцом приморского Сучана». Эта же традиция сформировала жанрово-стилистические основы творчества автора. Непосредственной целью исследования заявлено изучение народно-поэтического наследия семьи как основы традиции в творчестве героя Гражданской войны К. Рослого.

Обращение к поэтологическому анализу творчества поэта-партизана определяет новизну исследования. Безусловную научную новизну представляют также вводимые в исследовательский оборот неизвестные и малоизвестные тексты и архивные материалы, позволяющие воссоздать более полную и точную картину литературного процесса на Дальнем Востоке в период Гражданской войны, вписать региональный компонент в общероссийский процесс.

В предыдущих статьях нами уже отмечалось, что особую роль в творческом становлении будущего поэта К. Рослого сыграла психология сочувствия угнетаемым классам и ненависти к угнетателю. Из реалий современной поэту действительности начала XX в. и событий предшествовавшей ей недавней истории века XIX часто проистекали жанровые реализации подобных тем, например, ориентация на патриотические и военно-исторические песни [9, с. 150—169]. К тому же поэт-командир активно использовал литературные и фольклорные жанры: «запевы», «ожидания» [3], стилизации под песни-плач, частушки, народные песни, побывальщины и др. Анализ творческих поисков и экспериментов К.Л. Рослого указывает, что особое внимание автор уделял сюжетной поэме [8, с. 552—553]. Отметим в очередной раз, что в данной статье, конечно, есть возможность рассмотреть не все, а лишь некоторые жанровые формы в творчестве поэта-дальневосточника.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач. Обозначить по-прежнему столь важную тему в творчестве К. Рослого, как степень значимости народно-поэтических начал, потому что именно они становятся основой жанрово-стилистического воплощения поэтологического материала на практике. Обратиться к контексту того новосельческого компонента, который был основой этнической идентичности осваивавших русские дальневосточные земли переселенцев. Проанализировать такой

предположительно бытовавший в семье поэта песенный жанр, как воинские песни (солдатские и рекрутские). Осмыслить жанры этих песен как возможную часть биографии семьи приморского литератора, поскольку старые солдатские песни продолжали жить как исторические памятники, сохраняя пережитое народом.

При изучении жанровых форм в творчестве К.Л. Рослого и дошедшего до наших дней весьма незначительного наследия автора (многое из написанного не сохранилось или погибло, что нами уже отмечалось) весьма существенным является упоминание о том, что у «любимца бойцов», «весельчака», «самородка долины Сучана» К. Рослого, с ранних лет писавшего стихи, была масса народных сказок, легенд и былин, записанных им в лёгкой и изящной форме — на это обращали особое внимание в своей книге «Партизансское движение в Приморье» литераторы Н.К. Ильюхов и М. Титов [5, с. 90]. Конечно, из-за малой сохранности поэтических текстов того времени в целом и произведений самого Константина Леонтьевича в частности судить о том, что и сколько было написано этим талантливым автором, сегодня сложно, но косвенно можно.

Как известно, традиционный фольклор выполнял разнообразные функции, в том числе магическую, познавательную, воспитательную, развлекательную. Эти функции на первый план выдвигались в обрядовом фольклоре, бытование которого ограничивалось рамками ритуала. Необрядовый же фольклор сопровождал повседневную жизнь человека. Что касается бытования песенного фольклора на Дальнем Востоке России, отмечалось, что особенно богатой была песенная лирика, фундамент которой составляли песни земледельцев. Авторы учебника по истории культуры Дальнего Востока России XVII—XX вв. уточняют: «Со временем из них выделились песни крестьян, по разным причинам оторвавшихся (или насильно оторванных) от земледельческого труда: бурлацкие, чумацкие, ямщицкие, батрацкие, казачьи, солдатские. Особую группу составляли так называемые „удалые“ песни — разбойничьи и тюремные» [20, с. 201]. Дальневосточный исследователь профессор А.П. Георгиевский писал: «Внеобрядовая лирика прочно и всесторонне охватывает крестьянский быт с его радостями и трудностями, со всем укладом семьи, с трудной жизнью замужней женщины и т.д. Это — бытовая лирика, в широком смысле слова. Различные виды промысла — горный, рыбацкий, таёжно-охотничий — также выступают в песне, составляя собою как бы отдел промысловый лирики. Тяжёлая солдатская доля, трудности казачьей былой службы в приграничной полосе, среди постоянных опасностей — эти темы также входят в состав внеобрядовой лирики. Особые, выходящие из норм явления жизни, — тюрьма и бездомная жизнь беспризорника также находят отражение в песне. Такова широкая тематика внеобрядовой лирики Приморья. Эти песни

распевались и распеваются в одиночку и коллективно, на работе в поле и на „вечерницах“ („вечёрках“, „посиделках“, „супрядках“); распевались казаками во время походов и поездок; распевались невольниками за тюремной стеной» [3, с. 49].

В.Г. Пузырёв, один из первых дальневосточных исследователей, обратившихся к изучению темы становления литературы в регионе в начале 1920-х гг., ещё в середине XX в. справедливо отмечал, что творчество партизан опиралось не на фольклор вообще, а главным образом на тот поэтический материал, который был создан казаками Забайкалья и переселенцами во второй половине XIX в. в связи с освоением Дальнего Востока. В стихах представителей партизанской поэзии «довольно ощутимо сказывается влияние воинских, разбойничьих, промысловых песен, песен о тюреме и каторге» [18, с. 211]. Неудивительно в связи с этим значение стихотворения К. Рослого «Варнак», ставшего резонансным в дальневосточной печати [8, с. 553—554].

Как и другие партизанские лирики тех лет, К. Рослый широко использовал в своём творчестве жанр военно-исторической, патриотической песни. И это было не только ответной реакцией на события того трагического времени.

Добавим, что дальневосточный фольклор (частушки, песенный репертуар, военно-исторический и др.) на протяжении XX—XXI вв. становился предметом изучения авторитетных дальневосточных исследователей, литературоведов, этнографов и фольклористов: В.Г. Богораза, собравшего на Колыме материалы по языку и фольклору и опубликовавшего их в виде статей и «Областного словаря колымского русского наречия» [2], М.К. Азадовского, этнографические и филологические изыскания которого были связаны с южной частью Дальнего Востока [1]. В 1913 и 1914 гг. последний обследовал казачьи поселения на Амуре. Его наблюдения свидетельствуют о бытования в Приамурье фольклорно-обрядового комплекса, составляющего ядро традиционной народной культуры. М.К. Азадовским были написаны статьи, посвящённые частушке, заговору, исторической песне и другим жанрам фольклора. Часть материалов осталась в рукописном наследии учёного.

Среди тех, кто приступил к изучению традиционной культуры региона в первые годы советской власти, необходимо назвать профессора Дальневосточного университета (ГДУ, ДВГУ, сейчас — ДВФУ), с 1920 г. декана историко-филологического, а затем педагогического факультета ГДУ, заведующего кафедрой русской литературы А.П. Георгиевского, работавшего здесь в 1919—1931 гг. Он читал лекционные курсы по сравнительному языкознанию, славяноведению, истории русской литературы XIX в., публиковал работы в области устного творчества, диалектологии, археологии, учебники по истории русского языка, этнографии. Серия его трудов «Русские

на Дальнем Востоке» была отмечена специальной премией. Четвёртый выпуск этой серии был полностью посвящён фольклору. Работа привлекает широтой научного кругозора автора-составителя. В тот период главное внимание уделялось собиранию и изучению партизанской поэзии. А.П. Георгиевский стремился дать объективную картину народной духовной жизни, поэтому основной массив опубликованных им текстов составляют произведения — памятники традиционной культуры: сказки, заговоры и заклинания, обрядовый фольклор, необрядовые лирические песни (протяжные, плясовые, хороводные и пр.) [3].

Ценным вкладом в изучение бытования фольклора в регионе стали труды фольклориста, доктора филологических наук, профессора Л.Е. Элиасова, который руководил научным советом по фольклору народов Сибири и Дальнего Востока при СО АН СССР. Учёный является автором монографического исследования «Русский фольклор Восточной Сибири» в 3 частях (1958, 1960, 1973), «Словаря русских говоров Забайкалья» (1980), сборников фольклорных текстов [31; 32; 33]. Руководил 30 экспедициями, автор проекта издания 30-томного «Свода русского фольклора Сибири». Составитель сборника «Героическая поэзия гражданской войны в Сибири» (1982). В этой книге Л.Е. Элиасовым опубликованы народные песни, которые возникли и бытовали в Сибири в годы Гражданской войны и военной интервенции (1918—1922). В ней автор также рассказал о собирателях этого фольклора, привёл библиографические сведения, дал необходимые материалы об исполнителях, о вариантах песен и их географическом распространении [4].

Разными аспектами изучения дальневосточного фольклора во второй половине XX в. занимались Л.М. Свиридова [22], Е.Н. Сыстровая, Е.А. Ляхова [28]. Оба указанных сборника — «У ключика у гремучего» и «Фольклор Дальнеречья» — содержательно представляют наиболее характерные произведения устного народного творчества, собранные в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области, в дальневосточных сёлах (русских, украинских, белорусских). Обе книги включают словарь диалектных и малоупотребительных слов, списки исполнителей песен и сказок и собирателей текстов — первых поселенцев, осваивавших край, топографический указатель.

Изучением дальневосточного фольклора продолжают заниматься в наши дни Л.Е. Фетисова [25], Т.В. Краюшкина [12]. Сделанный Л.Е. Фетисовой анализ экспедиционных записей М.К. Азадовского показал, что именно этот учёный «положил начало серьёзным исследованиям русского фольклора южной части российского Дальнего Востока. Его материалы и наблюдения, а также последующие публикации свидетельствуют о том, что к началу XX в. в Приамурье сложилась своеобразная устно-поэтическая традиция, не только

впитавшая материнский фольклор первопоселенцев, но и получившая дальнейшее развитие на основе местных реалий» [26, с. 100].

Как уже отмечалось, имя младшего брата Константина — Ивана Рослого — обнаруживается в списках студентов, проходивших обучение в конце 1920-х гг. в Государственном дальневосточном университете (ГДУ). Обучаясь во владивостокском вузе на факультете историко-филологического факультета, Иван значится в числе собирателей фольклорных материалов [9, с. 155—156]. Отобранное и зафиксированное студентом в результате выездной практики вошло в фольклорно-диалектологический очерк «Фольклор Приморья» [3, с. 73—74, 105, 108—109], подготовленный профессором ГДУ, заведующим Приморским архивным бюро А.П. Георгиевским. Документально подтверждено, об этом свидетельствует собранный материал, что различные записи жанров устного творчества Иван Рослый делал в своей родной деревне Перетино.

Начиная анализ фольклорной основы собранных текстов, бытавших в семье Рослых и наверняка повлиявших на становление литературного дарования Константина Леонтьевича, весьма важно обратиться к истории появления вышеназванного населённого пункта на карте Приморского края и тому новосельческому компоненту, который составил этническую основу поселения и его традиционную культурную составляющую.

Деревня Перетино Сучанской волости Южно-Уссурийского округа Приморской области Российской империи (в настоящее время село Перетино в Партизанском районе Приморского края; входит в состав Золотодолинского сельского поселения) была основана в 1884 г. Как свидетельствуют материалы Генеалогического форума проекта «Всероссийское генеалогическое древо», именно в этом году в числе других первопоселенцев из малороссийской деревни Петровская Буда Суражского уезда Черниговской губернии Российской империи прибыли первооснователи деревни Перетино [17]. 20 годами ранее поблизости возникло село Владимира-Александровское (Сучанская волость), образованное в 1864 г. в результате слияния двух слобод — Александровки и Владимировки, которые, к слову, были основаны в исторически сложившихся местах древних городищ. В 1885 г. из той же малороссийской деревни Петровская Буда «прибыли переселенцы, пополнившие малочисленные деревни Владимировку и Александровку» [21]. «В первые годы там (во Владимировке и Александровке.—Е.К.) проживало 10 семей. Значительное пополнение произошло в 1885 году переселенцами (33 семьи — 207 душ), прибывшими из Черниговской губернии, Суражского уезда, морским путём» [6].

Добавим некоторые факты из истории основания деревень в Сучанской долине (Партизанском районе) в конце XIX в.: «Весной 1883 года в Южно-Уссурийский край прибыли переселенцы

из Черниговской губернии на двух пароходах „Россия“ и „Петербург“, 254 семьи — 1591 человек обоего пола. Ими были основаны поселения в разных районах Южно-Уссурийского края. Кроме переселенцев, на пароходе „Петербург“ в 1883 году по линии МВД России прибыли 12 ходоков для определения мест поселения для тех крестьян, которые будут перевезены в будущем году. В долине р. Сучан из числа 12 ходоков ходоком Гончаровым Алексеем (Антоном, Автономом) было выбрано место поселения для деревни Перетино. <...> Весной 1884 года прибыли переселенцы из Черниговской губернии на трёх пароходах Общества Добровольного Флота (сейчас ДВМП): „Царица“, „Россия“ и „Кострома“. Они отправились из Одессы южным морским путём до Владивостока для заселения Южно-Уссурийского уезда Приморской области. На пароходе „Царица“ отправились 48 семей из Сосницкого и Городницкого уездов, Черниговской губернии. Они поселились в пограничном районе и около Никольск-Уссурийска (в настоящее время город Уссурийск. — Е.К.). На пароходах „Россия“ и „Кострома“ прибыли в порт Владивосток из Сурожского уезда 246 семей и Мгинского уезда 2 семьи, итого 248 семей — 1499 человек» [6]. Таким образом, к началу 90-х гг. XIX в. в Сучанской долине было основано 9 деревень и сёл, среди которых наиболее крупными были Владимировка, Александровка, Голубовка, Перетино, Николаевка и Новицкое.

В Перетино (Пирятине) в 1884 г. вместе с ходоком Гончаровым и его семьёй прибыли 33 семьи переселенцев из населённого пункта Перетин Сурожского уезда Черниговской губернии [21]. На названия селений, утверждаемые крестьянами-переселенцами в Приморье, переносились топонимы из мест выселения, т.е. откуда они прибыли. Наиболее значимыми источниками формирования топонимов были названия деревни, волости, уезда, губерний, в память о тех местах, откуда приезжали новосёлы. Из этой партии первопоселенцев 17 семей были выходцами из Перетин, в том числе и сам Гончаров, поэтому по праву первого ему было предоставлено приоритетное слово в выборе названия для новой деревни.

«Переселенцев из Черниговской губернии (75 семей — 473 человека), прибывших пароходом „Кострома“ и пожелавших поселиться на левом берегу р. Сучан (Партизанская), отправили 7 мая 1884 года на пароходе „Владивосток“ из порта Владивосток в залив Америка. Высадившись на берег в бухте Ченьювой (Лашкевича), их перевезли конно-гужевым транспортом к месту водворения в соответствующие сёла: Унаши, Перетино и Новицкое. <...> Во вновь основанные деревни в Сучанской долине в 1884—1885 гг. и подселение во Владимиро-Александровское в 1885 году переселенцы прибыли на казённый счёт (казённокоштные). Земля им отводилась в общинное надельное пользование. При основании поселений в границах

отвода земельного участка оказалась пашня. <...> В Перетино пашни было недостаточно, и она находилась за рекой Сучан» [6].

Таким образом примерно в эти годы попал в Приморье отец будущего героя-партизана Леонтий Артемьевич (Леон Артёмович) Рослый, крестьянин-середняк, хлебороб, сельский учитель. Известно, что по окончании военной службы вслед за своими односельчанами Леонтий Артемьевич отправился на Дальний Восток. Огромный путь совершил он от Чёрного до Японского моря, пока, наконец, не оказался во Владивостоке, затем на Сучане, в деревне, как уже отмечали выше, названной черниговскими переселенцами в память о своём селе Перетино. Здесь Леонтий Артемьевич вступил в брак с Пульхерией Петровной. Родители Пульхерию Петровны, матери Кости, были переселенцами из Хмельницкой области, переехали на Дальний Восток в 1860-х гг. Венчание молодых состоялось в Сучанской волости [17]. Детей в семье было много, будущий поэт-партизан был старшим. Добавим, что в своей биографии Константин Рослый указывает, что с 7 до 15 лет он обучался в сельских школах (одноклассной и двухклассной). В то время единственная приходская школа находилась при церкви в селе Владимиро-Александровском.

В посемейных списках (33 семьи — 198 душ) первооснователей приморской деревни Перетино в 1884 г. значатся выходцы из Суражского уезда Черниговской губернии из деревни Перетин и из деревни Петровская Буда. В списках обнаруживаются и многочисленные Рослые (Андрей, Артемий, Василий, Пётр). Также в «Сведениях о постройках в деревнях Ольгинского уезда на январь 1912 года» среди прочих домохозяев Рослых деревни Перетино значится имя Леонтия Рослого [17]. Однако добавим, что в соответствии с проведёнными архивными изысканиями «в деревне Перетино было два Леона Рослых. Один Леон Петрович Рослый, поселение в 1884 году. А второй Леон Артемьевич Рослый, прибыл в Перетино из Петровской Буды Суражского уезда после 1885 года. И переселенец 1884 года Рослый Артём 1838 года не является отцом Леона Артемьевича Рослого. В списках жителей д. Перетино конца XIX в. обнаруживаются Артём Иванов Росслый (57 лет) и Леонтий Артемьев Росслый (34 года)» [17]. Итог размышлений об однофамильцах подтверждают записи в метрических книгах. Они свидетельствуют о том, что и в Перетино, и в соседнем крупном селе Владимиро-Александровском одной из самых распространённых фамилий первопоселенцев, приехавших на территорию Приморья с большими семьями, была фамилия «Рослый», включая полных тёзок. Да и во всей Сучанской долине проживало много Рослых, связанных, по сути, либо близким, либо дальним родством.

Необходимо указать на ещё один очень важный аспект — этническую идентичность. В монографии «Белорусские традиции

в народно-бытовой культуре Приморья», посвящённой характеристике крестьянской культуры первопоселенцев Приморья, Л.Е. Фетисова традиционную белорусскую культуру рассматривает в качестве одного из показателей этнической принадлежности переселенцев, у потомков которых произошла перемена в пользу доминирующего этноса — русского. В Приморье оказываются выходцы с северо-запада Черниговской губернии — территории русско-украинско-белорусского пограничья, где изначально была затруднена этническая самоидентификация населения [23]. Исходя из этого, следует резюмировать, что в семье Рослых были сильны белорусские (по отцу Леонтию Артемьевичу) и украинские (по матери Пульхерии Петровне) культурные влияния. Фамилия Рослый (Рослов) названа в числе ряда других фамилий, которые позволяют выделить среди жителей южного Приморья черниговских переселенцев, тяготеющих к белорусской культуре [23, с. 16].

Глубоко анализируя фольклорно-этнографический комплекс приморской версии культуры Гомельско-Брянско-Черниговского пограничья, в которой наиболее заметны белорусские традиции [23, с. 149], Л.Е. Фетисова приходит к закономерному выводу, что большинство представителей населённых пунктов Сучана являлись типичными носителями белорусской традиции. Исходя из новосельческого компонента, можно утверждать, что они имели белорусские черты в бытовой культуре. Подтверждением тому служит фольклорный репертуар первопоселенцев и их потомков. «В сельской местности Приморья, особенно в Партизанской (Сучанской), Шкотовской (Цемихинской), Артёмовской (Майхинской) долинах, в таёжной зоне Дальнеречья (Иманская долина), частично в селениях, расположенных вблизи оз. Ханка, отчётливо выделяется белорусский пласт. Причём носители этой культуры своей исторической родиной называют „Расею“, а себя именуют „руськами“, используя термин, восходящий к периоду единства восточных славян. Как правило, это потомки переселенцев из западных и северо-западных районов Черниговщины: Суражского (преимущественно), Мглинского, Новозыбковского, Стародубского, Городнянского уездов» [23, с. 21].

Основу фольклорного репертуара на русском Дальнем Востоке составляли разнообразные песенные жанры. Этому способствовали их поэтическая образность, богатство и разнообразие мелодий. В Перетино, к примеру, собирателем Иваном Рослым были зафиксированы воинские песни. С большой долей вероятности информантами для бывшего крестьянского парня, а в середине 1920-х гг. уже владивостокского студента, уехавшего из родного села, выступили члены большой семьи Рослых, возможно, старшие родственники как наиболее правоверные и последовательные хранители традиций.

Так, по собранным фольклорным текстам можно судить, что с большой любовью в семье Росльых относились к старым солдатским песням, уходившим в прошлое и к середине 1920-х гг. начавшим терять свою актуальность. Предположим, что эти образцы устного песенного фольклора были привезены на Дальний Восток старшими родственниками братьев Кости и Ивана — возможно, самим Леонтием Артёмовичем или родителями его жены Пульхерии Петровны, и пелись на семейных праздниках, деревенских торжествах и посиделках. Говоря об этнической принадлежности этих песен и выражющейся в них этнической самоидентификации на основе традиционного крестьянского уклада, добавим следующий комментарий.

Дальневосточные исследователи, анализируя образцы традиционного фольклора различных групп русских, украинцев, белорусов, заселивших регион, в отношении функционирования солдатских песен на Дальнем Востоке единодушно отмечали преобладание именно русских солдатских песен, наряду с разбойниччьими и социальными сатирическими [22]. Хотя, безусловно, обращает на себя внимание роль фольклора и различные локальные варианты в культурной адаптации переселенцев. Так, например, украинцы пели преимущественно любовные, чумакские и шуточные народные песни, а белорусы лучше других сохранили старинные баллады [22]. Важен вывод о том, что «закреплению населения на территориях позднего освоения сопутствовало сложение общего культурного пространства, однако при этом на протяжении 2—3 поколений сохранялась не только память о прежней родине, но и апелляция к традициям предков, обычно идеализируемым. По этой причине в обыденном сознании переселенцев оформился комплекс известной „культурной неполноценности“, что проявляется в оценке „материнской культуры“ как правильной, в противовес местной — „испорченной“» [23, с. 149].

Фольклорист Л.Е. Элиасов справедливо отмечал, что в каждую эпоху солдатские песни ожидают с новой силой. «Этому оживлению способствуют определённые условия, в частности необходимость усиления защиты родины, особенно во время войны» [31, с. 364]. Видится возможным сделать ремарку, что подобные процессы обнаруживаются и в настоящий период. Например, долгая жизнь зафиксирована у одной из самых знаменитых песен XX в., ставшей вновь актуальной в современное время, «Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне!». Она была написана на стихи «Бур и его сыновья» поэтессы Галины Галиной (Глафиры Эйнерлинг), скончавшейся в 1942 г. в блокадном Ленинграде. Изначально песня посвящалась теме Англо-бурской войны, которая велась на самом юге Африки в 1899—1902 гг., однако жил поэтический текст потом долго. Конечно, «Трансвааль» нельзя отнести в буквальном смысле к солдатской

песне, но по значимости функционирования поэтического произведения в русской культуре её можно считать одновременно крестьянской, городской, уличной, солдатской, походной, призывной, эмигрантской песней, партизанским гимном. «Это стихотворение было воспринято народом и вошло в песенный фонд русского фольклора», — отмечает Т.В. Краюшкина в исследованиях, обращённых к функционированию народной песни в пространстве русской культуры XX — первой четверти XXI в. [10, с. 244—245; 11, с. 160—172].

Песня, посвящённая борьбе с захватчиками-колонизаторами, выражала сочувствие русского народа гражданам Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства (бурам), борющимся за освобождение и независимость своей земли. В России она становится одной из любимых песен сначала Первой мировой войны, далее слова текста обнаруживаются в стихах и прозе, обращённых к революционным годам и Гражданской войне, когда её пели и красные, и белые. Песня бытовала в Сибири и на Дальнем Востоке (у партизанских поэтов, например, Г. Отрепьева), её исполняли русские эмигранты в странах Европы и восточного зарубежья. «Трансвааль» придавал мужества в борьбе с фашизмом во время Великой Отечественной войны, пелся в осаждённом Ленинграде. В 1948 г., вместе с победой над нацистской Германией, «Трансвааль» воскрес в стихах М. Исаковского «Песня о Родине». При этом весьма показательно, что в восприятии советских поэтов середины XX в. (например, Е. Долматовского) народная песня «Трансвааль» становится «символом освободительного движения на земле дружественных СССР народов Африки и Вьетнама. Мотив „Трансвааль в огне“ осмысливается и как символ малой родины. В таком — локальном — осмысливании Родины в поэзии появляются мотивы „Донбасс в огне“, „Чечня в огне“» [10, с. 252]. Насущное звучание мотива связано с проявлением патриотизма, с фиксированием очередного актуального обращения к народной песне в русской мужской поэзии и прозе первой четверти XXI в., возвращение мотива «Трансвааль в огне» связано с проведением СВО [10, с. 259—261]. Таким образом, всякий раз «Трансвааль» возрождается в памяти как символ борьбы народов за своё освобождение, как символ солидарности русских людей с этими народами.

Анализируя амурский фольклор и конкретно — песенный репертуар солдатских песен Приамурья, Л.Е. Элиасов даёт следующую характеристику: «Некоторые солдатские песни возникли очень давно, на заре формирования русской регулярной армии, другие в XVIII—XIX вв., третьи сравнительно недавно — в годы Русско-японской и Первой мировой войн. Солдатские, как и рекрутские, песни возникали не только в связи с войнами и походами, но и в мирное время, отражая тяжёлую судьбу солдат в царской армии. Большинство песен этого жанра пользовались всеобщей популярностью

на Дальнем Востоке, где жили казаки, нёсшие военную службу по охране границы. Здесь издавна были распространены солдатские песни, так как многие воинские подразделения, участвовавшие в войнах, формировались на Амуре и Уссури, а затем снова возвращались в родные места. Репертуар солдатских песен пополнялся с каждым походом, с каждым событием» [31, с. 363].

Как отмечается в работах, посвящённых повседневной жизни солдатских семей в русском фольклоре XVIII—XIX вв., фольклорные и этнографические источники являются самыми информативными, помогают реконструировать повседневные реалии солдат и членов их семей. Приведём одну из таких воинских/солдатских песен, зафиксированных Иваном Росlyм. Предварительно добавим, что здесь и далее при цитировании поэтических произведений, взятых со страниц дальневосточных газет, журналов и сборников, которые хранятся в архивах, написание приводится по оригиналам. Сохраняются, во-первых, орфография и пунктуация источника, во-вторых, воспроизведенная собирателем попытка передать на письме фонетические особенности белорусского/украинского языков и возможное диалектное написание. «Ты дубрава, дубрава, / Ты дубравушка мая. / Пачаму ты, дубрава, / Украшеная стаишь, / И дубъем и бирязьем / И високим курганнем. / А на тых курганах / Парасла пальян трава, / А гарчей таго пальина / Ва всем свети нима. / Ох ты служба, ты служба / Гасударьская, / А тижалей тае службы / Ва всем свети нима» [3, с. 73]. «Образы членов солдатских семей нашли своё отражение и в лирических народных песнях. Рекрутские песни возникли в начале XVIII в. после введения рекрутской повинности. Часто исполняли их матери, сёстры и невесты рекрутов. В них раскрывался трагизм крестьянской семьи, из которой на долгие годы уходил подчас единственный кормилец» [30, с. 1231].

На наш взгляд, произведение обнаруживает некоторую схожесть с рекрутским плачем. Со времён Петра I уход в рекруты воспринимался как смерть, поэтому рекрутские плачи близки похоронным плачам. В них отчётливо выделялись две темы: жизнь оставшейся семьи и жизнь рекрута в солдатчине. «Павыбрали на службу, / Удалых маладцов, / Атарвали радимињских / Ат матушак, ат атцов» [3, с. 74]. Поскольку солдатчина в народном представлении казалась нисколько не лучше каторги и даже подобной смерти, неслучайно широко бытовала поговорка: «В рекрутчину — что в могилу». Для народного творчества вообще были весьма характерны пословицы про солдатскую долю, многие из которых можно обнаружить в толковом словаре В. Даля: «Весёлое горе (горькое веселье) солдатская жизнь», «Солдат домой пишет, поминать велит», «Солдат Богу свеча, государю слуга» [19]. «Солдат считался „казённым человеком“, то есть совершенно отделившимся от крестьянского и мещанского мира, принадлежащим казне. Да и его семья тоже

уже не признавалась окружением своей, типичной и обычной. Солдатские жёны, солдатские дети — отрезанные от мира ломти. Служба в армии создавала солдату как бы новую семью, а для родных и близких он считался навек потерянным человеком» [30, с. 1232]. «*Быв у вдовки адин сын, / И тей падышов пад арин. / Яго паны жалели, / Жалетики надели. / Яго паны кахали, / У салдатики аддали. / Ох, ты, мать, мая мать, / Ни тужи па мне, ни плачь!.. / Ты тады па мне паплачъ: / Як будуть мае плечики ламаты, / Мундерики надиваты, / Вот тады па мне паплачъ, / Як будуть мае ножачки ламаты, / Чаботики надиваты. / Вот тады-ж ище паплачъ, / Як люди будут пахаты, / А твоя сошка будя стаяти. / Ой тады па мне паплачъ, / Як люди будуть касити, / А твоя косачка висити, / А травушка стати*» [3, с. 74]. По замечанию собирателя-фольклориста А.П. Георгиевского, анализировавшего подобные « дальневосточные » тексты, бытовавшие среди приморских крестьян, в том числе переселенцев, « старая солдатская песня живо напоминает по своему содержанию и настроению ту тяжёлую, мучительную обстановку, о которой писали писатели разных эпох: Л. Толстой, Д. Григорович, Н. Некрасов, А. Куприн, М. Горький, А. Серафимович и др. Чувство безысходной тоски и безнадёжности заполняет песню. В песне прямо говорится, что тяжелее „государьской службы ва всем свити нима“». В песнях подробно описывается, как отнимают у родителей детей, как у вдовы отбирают единственного сына. Самая обстановка солдатчины красочно рисуется в песне: как будут ломать „плечики“ и „ножачки“, чтобы надеть новую солдатскую одёжу. Осиrotевшие орудия крестьянского труда после ухода их хозяина на службу также выступают в песне: „твоя сошка будя стаяти“, „твоя косачка висити“» [3, с. 71].

Таким образом, «солдатчина» в народном сознании отразилась как «горе великое». Известный писатель и собиратель фольклора XIX в. П.И. Якушкин писал о рекрутчине в очерке «Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь»: «...Ещё до сего времени в русских деревнях на солдатство народ смотрит как на несчастье, на беду, которая сможет разогнать, разорить какую угодно семью» [34, с. 420—421]. Солдатство и рекрутчина, по мысли народа и автора, «большое несчастьице», «бедушка немалая, великая». Рекрутчина в солдатских песнях — «горе», «тоска-горе», о которую «разбивалась какая угодно удалъ». Герой песни жалуется: «*Никогда у меня, раздоблого молодца, / Такого горя не бывало, / А вот нынешний день, братцы, день-денёчик, / Тоска-горе меня обуяла! / Что куют-то, куют меня, раздоблого молодца, / Куют во железы, / Что везут-то, везут меня, разудалого молодца, / Везут во солдаты*» [27].

Солдатские песни интересы с точки зрения поэтического арсенала, художественных средств. «Здесь особенно часто встречаются яркие сравнения и эпитеты. У большей части таких песен

своеобразный напев, они редко бывают протяжными, чаще всего исполняются нараспев, почти речитативом» [31, с. 364].

Насколько старинные солдатские/рекрутские песни могли быть значимыми для старшего поколения семьи Рослых, может живо свидетельствовать и тот факт, известный из биографии поэта-партизана, что дед Кости по матери был кантонистом. Если обратиться к словарю, то это устаревшее слово отсылает к началу XIX в. и особенностям крепостнической России, когда младенец с рождения был военнообязанным, «личным крепостным» Русской императорской армии. «Кантонистами именовали несовершеннолетних солдатских сыновей, проходящих обучение различным военным специальностям. В стране существовало особое солдатское сословие. С момента призыва на службу не только сам рекрут, но и его будущие дети принадлежали военному ведомству. Само слово было позаимствовано в Пруссии, где в XVIII в. так именовали несовершеннолетних рекрутов, призывавшихся из кантонов (округов). В России название закрепилось за солдатскими сыновьями, которые с самого рождения находились на учёте в военном ведомстве» [7].

Разбираясь, кто такие кантонисты, можно смоделировать жизнь деда Константина Рослого, образ его занятий и возможных творческих пристрастий. Так, уместно добавить следующее: «До 14 лет дети солдат должны были поступить в школу кантонистов. Учиться в других заведениях им было запрещено. В 1827 году в кантонистские школы стали направлять не только сыновей военнослужащих, но и детей беспризорных, цыган, польских мятежников и шляхтичей, которые не смогли доказать свой дворянский титул, а также молодых евреев (рекрутов). Гарнизонные школы кантонистов в первой половине XIX в. открылись почти в каждом губернском городе. Будущим военнослужащим преподавали грамоту, артиллерийское дело, фортификацию. Отстающие изучали ремёсла: кузнецное, сапожное, столярное. Те, кому военные науки давались легко, по окончании школы оставались в ней ещё на три года — повышали квалификацию. Некоторые выпускники оставались преподавать в своих учебных заведениях, остальных же сразу отправляли в действующую армию. При этом годы обучения в гарнизонной школе не засчитывали в срок обязательной военной службы. С приходом к власти Николая I в школах кантонистов существенно выросло количество направлений подготовки: инженер, военный врач, топограф, аудитор-юрист. Увеличился и срок учёбы: с 10 до 14 лет юноши посещали среднюю школу, с 14 до 18 — старшую. За время правления Николая I число кантонистов в Российской империи достигло 36 тысяч. Кантонисты, как отдельное сословие, обеспечивающее кадрами армию, существовали до выхода коронационного манифеста Александра III. В 1856 году император отменил и саму практику „закрепощения“ детей низших военных чинов, и само название „кантонист“» [16].

В семье Рослых было известно, что Пётр, дед Кости по матери, пробыл на военной службе 27 лет и был участником Русско-турецкой войны. Поэтому неудивительно, что в текстах, собранных Иваном Рослым, находит отражение жизнь солдата-рекрута и его сына-кантониста. Весьма примечательным произведением в этом смысле можно считать рекрутскую песню «Уси пташки, пташки запривныли». Песня о нелёгкой доле соломенной вдовы — именно такой фраземой в Российской империи назывались «солдатки» (солдатские жёны, рекрутки, жёны нижнего воинского чина). К этой категории вдов относилась женщина, муж которой был рекрутирован или призван (мобилизован) в армию. Срок службы, как уже отмечалось выше, обычно составлял четверть века — 25 лет, огромный срок, вылившийся в поговорку: «Двадцать пять лет солдатский век» [19].

В нижеприведённой солдатской песне, зафиксированной Иваном в родной дальневосточной деревне на Сучане, названной черниговскими переселенцами в память о своём селе Перетино, фигурирует солдатская жена («салдацкая жана», «удовка»), которая 25 лет живёт без мужа («дватцать пятый тому гадочек — мужа на службу узяли») и 15 лет без сына («пятнадцатый гадочек, як сыночка павяли»). Вполне возможно, что в семье Рослых эта песня особенно полюбилась, поскольку именно она эмоционально и точно отразила личную историю отца Пульхерии Петровны (матери Кости) и — соответственно — Костиного деда. Предположим, именно так дождалась домой двух своих кормильцев, мужа и сына, жена Петра.

Как значится в фольклорно-диалектологическом очерке «Фольклор Приморья» песня была записана в середине 1920-х гг. в деревне Перетино Владимиро-Александровской волости Владивостокского округа студентом рабфака ГДУ Иваном Рослым. «Уси пташки, пташки запривныли, / Адна пташечка запела. / Возъли речьки бирижка / У тае ли быстрые речьки, / Новая святелка стаяла. / А у той жа у новай святелцы, / Жила салдацкая жана. / Засмутившия ийина сядела, / Сабе щастика ждала» [3, с. 74]. Поскольку в XVIII—XIX вв. рекрутские наборы часто воспринимались как смертный приговор рекруту, то и судьба солдатской жены считалась худшей, чем судьба вдовы, так как последняя могла выйти замуж вторично, тогда как солдатку ожидало одинокое будущее и неприкаянность [29, с. 79]. И снова хорошо передаёт этот смысл приводимая В. Далем пословица «Солдатка — ни вдова, ни мужняя жена» [19].

«Шли, шли два гринадеры / Из далекага пути: / „Разлюбезна, ты хазяюшка, / Пусти пириначавать!..“ / „Разлюбезны мае салдатики, / Ни возможна вас пустить: / Три дни печка ни тапила, / Ни вариланичаго“» [3, с. 74]. Для многих женщин трансформация в солдатку приводила к личной трагедии, обрекала на нищету и беспоправие, лишала семейного счастья и традиционного уклада жизни. «„Разлюбезная хазяюшка, / Нам нинадоничаго, / Тольки б надо нам,

салдатикам, / Из пахода аддыхнуть. / Мы в паходи притамилися, / Многа дней пад ряд ишли“./ Атец сев на покути, / Сын садица на скамьи, / А вдова стаить у печки, / Абливаицца слязми. / Двачать пятый тому гадочик — / Мужа на службу узяли, / И пятнадцатый гадочик, / Як сыночка павяли» [3, с. 74]. П.П. Щербинин, анализировавший жизнь русской солдатки в XVIII—начале XX в., делая реконструкцию её социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений, писал о необходимости учитывать особенности социокультурных процессов, информированность российского общества в период рекрутчины. «Очевидно, что после призыва мужа на службу часто солдатка ничего не знала о его судьбе. Да и сами мужья-солдаты могли только догадываться, как живут их семьи и что происходит на родине. Переписка в солдатских семьях была редкой или вообще отсутствовала. Таким образом, часто мужья и жены после рекрутского набора и расставания, годами, а иногда десятилетиями ничего не знали друг о друге» [29, с. 81]. В общественном мнении за солдатскими жёнами закреплялся статус «полувдовы», одинокой и беззащитной женщины, потерявшей кормильца, следовательно, в таких текстах раскрывался трагизм крестьянской семьи. «Не случайно многие рекрутки считали, что после призыва мужа на службу в армию их судьба поломана и у них нет больше перспективы нормальной семейной жизни и женского счастья. Военная машина перемалывала судьбы солдатских жён, лишая их не только самого мужа-„кормильца“, но и даже сведений о его службе и жизни в армии» [29, с. 81]. В дальневосточном тексте песни мы наблюдаем историю такой семьи: «„Падыйди-ка удовка ближи, / Укланись-ка мне панижи; / Вот на стalle платочик, / И в платочку вузялок, / В вузялку пирстяnek, / Ти ни я твой милый дружок, / А ета наш дарагий сынок“» [3, с. 74]. «Тяжело бывает положение солдатской жены, оставшейся дома. Иногда в песне встречаются сцены свидания семьи, неожиданно удавившей своих кормильцев, пришедших на побывку или случайно с отрядом проходивших через родное село», — отмечал в комментариях А.П. Георгиевский [3, с. 72].

При этом трагизма обстоятельствам добавляло и то, что сами солдаты после призыва на службу находились, по наблюдениям современников, на положении бесправных, лишённых семьи и собственности. «Один из солдат, восстановливая картину прошлого, констатировал, что рекрут редко возвращался после службы домой, а если и возвращался, то его не узнавали: „Товарищи его уже умерли, молодые готовили своих сыновей в солдаты, старые связи безвозвратно исчезли: жена, которую он оставил ещё молодой, встретила его старухой, окружённая чужими для него детьми, да и сам он был уже не тот...“. Рекрутчина фактически способствовала крушению многих солдатских семей, лишала детей отцов, а жену — мужа.

Лишь тяжёлое ранение, болезнь, инвалидность мужа-солдата давали ему шанс увольнения из армии, возвращения домой и встречи со своей семьёй, но вместо опоры и поддержки он нередко становился уже обузой для своей семьи» [29, с. 81].

Таким образом, форма старой солдатской песни мало чем отличалась от необрядовых песен о семейной жизни. Те же образы, то же грустное, часто угнетённое повествование, те же стилистические приёмы. Да и ритмика песен была весьма родственна бытовой [3, с. 72].

Л.Е. Элиасов, говоря о репертуаре солдатских песен Приамурья, отмечал, что «социальные мотивы, протест против войн, против невыносимой палочной дисциплины в царской армии выражены в песнях не прямо, а косвенно. Излюбленный приём — подробное описание всех отрицательных сторон солдатчины [31, с. 363]. Подтверждение сюжетно-тематической и мотивно-образной схожести лирических солдатских песен, функционировавших в Приморском крае и Амурской области, находим и у Г.С. Новикова-Даурского. Среди прочих записей учёного-самоучки и патриарха амурского краеведения, около 60 лет собиравшего произведения народно-поэтического творчества на Амуре, в имеющихся солдатских песнях («Ах, зачем нас забрали в солдаты», «Уж ты, поле мое, поле чистое») он отмечал неизбежную печальную тональность. «Лирический герой воспринимает царскую службу как страдание, что подтверждается конкретными деталями и сюжетными ситуациями, навеянными суро-вой и горькой солдатчиной. Песни рисуют драматизм расставания с родными, возможность тяжёлого ранения или физического увечья; смерть солдата на чужбине — типичный финал, характерный для многих солдатских песен», — заключал собиратель [15].

О том, насколько силён был в целом в дальневосточном песенном творчестве мотив возвращения мужа и сына домой после долгой разлуки с военных действий и сюжет их встречи с вдовой и матерью, может свидетельствовать его продолжительная сохранность в народной памяти. Л.Е. Фетисова, рассуждая о воинском фольклоре на юге Дальнего Востока России в первые десятилетия XX в., среди прочего отмечает, что в воинском репертуаре начала XX в. преобладали лирические песни и незначительное место принадлежало эпическим произведениям, ранее широко представленным жанрами исторической песни и баллады [24, с. 240]. Неизменной популярностью пользовалась баллада о двух героях. Произведение представляет собой позднюю версию сюжета «Муж-солдат в гостях у жены»: к женщине на ночлег попросился солдат, в котором она с трудом (по перстню) признала мужа, считавшегося погибшим. По мнению фольклористов, баллада была сложена в период Отечественной войны 1812 г. Текст баллады очень устойчив, варьируются только чин гостя (из солдата он превращается в майора

и генерала) да количество солдат, «вобравшихся» в горницу вдовы [14, с. 397]. Представляет исследовательский интерес второе уточнение — про количество служивых/военных. «В версии, возникшей после 1914 года, говорится уже о двух путниках, попросившихся на ночлег к одинокой вдове. Как оказалось, это были её муж и сын. Последняя интерпретация сюжета относится к Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: „— Скажи, скажи, хозяюшка, / С каких ты пор вдова? — / Щей в сорок первом годике, / Как началась война... / — Узнай, узнай, хозяюшка, / Ты мужа своего, / Признай, признай, хозяюшка, / Сыночка своего...“» [24, с. 240—241]. Позволим себе выразить сомнение в высказывании о столь позднем появлении в произведении второго персонажа и явственном ощущении в тексте литературного влияния — как указании на его сравнительно недавнее происхождение. Собранные информантами на практике фольклорные материалы свидетельствуют, что функционирование в воинской песне образа двух путников возникло раньше. Однако допускаем, что этот вопрос дискуссионный и требует привлечения более широкого контекста.

На наш взгляд, участие деда Кости, отца Пульхерии Петровны, в русско-турецкой кампании тоже нашло глубокое отражение в творчестве дальневосточного поэта-партизана К. Рослого. Но об этом, думается, логичнее составить разговор особый, в перспективе — при изучении общего контекста бытования песенной лирики Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В целом согласимся с мнением, что поздняя солдатская лирика имела генетическую связь с народными традициями. Это давало ей возможность функционировать вне специфического воинского быта и тем самым способствовало продлению срока её жизни. «Песни стали исполняться гражданским населением как память о минувших войнах. Локальные конфликты их участникам не представлялись малозначимыми, поэтому произведения, отражавшие события, важные, с точки зрения дальневосточников, воспроизводились на протяжении длительного времени как существенный компонент их исторической памяти. Региональная история становилась продолжением истории общероссийской, одновременно обогащая её за счёт местных реалий» [24, с. 243—244].

В заключение хочется обратить внимание на утверждение о том, что «солдатские песни имели большое агитационное значение, осуждая пороки царского строя, воспитывая в народе чувство необходимости борьбы с самодержавием» [31, с. 353—364]. В фольклоре и литературе эта мысль не нова и, безусловно, верна, она поддержана социально-историческими реалиями и общественно-политическими изменениями российской действительности. Однако ключевым в этой цитате для нас становится словосочетание «агитационное значение». Добавим, что эта реализация идеи борьбы

с существующим строем через агитацию позволила, на наш взгляд, обнаружить в творчестве К. Рослого весьма оригинальное её раскрытие и нетривиальное воплощение. Дело в том, что поэт-партизан обратился к созданию былинного стиха, но ввёл в него элементы вождения — «одного из агитационных жанров литературы, произведения которой, воздействуя на чувство, воображение и волю людей, побуждают их к определённым поступкам, действию» [13]. В стихах командира партизанского отряда в соединении былинного повествования с агитационно-побудительными задачами нового времени звучал призыв к революционному массовому действию. Выполнение К. Рослым функций поэта-агитатора, несущего свою боевую службу во время революции, сформировало не утилитарный, лишённый сердечности призыв к русскому народу, а художественный текст, рождённый гармоничным жанровым синкретизмом. В срацённости былинного стиха и вождения вновь виден талант дальневосточного автора, который зиждился на исконных традиционных началах, был обращён к народно-поэтическим основам русской литературы.

Вполне закономерно, что истоки жанрово-стилевой ориентированности творчества вышедшего из среды крестьян-переселенцев Сучанской долины и коренного приморца К. Рослого хотя и опосредованно, но раскрываются также через его происхождение, биографию, социально-политические взгляды, профессиональное становление и глубоко патриотичную гражданскую позицию. Немаловажно добавить, что во многом именно жанрово-стилевыми формами выражения литературного дарования были рождены прозвища дальневосточного автора. Так, метафорические характеристики «певец приморского Сучана» или «самородок долины Сучана» были адресованы поэту уже при жизни, недолгой, но яркой и талантливой, и принадлежали ему вполне заслуженно. Подтверждает эти звания уже в настоящее время анализ творческих поисков и экспериментов К. Рослого, которые демонстрируют широкую палитру жанровых предпочтений, основанных на фольклоре. Это, в свою очередь, обосновывает перспективы дальнейших исследований, которые включают уже запланированное изучение жанров партизанской частушки и былинного стиха у дальневосточного автора.

Таким образом, формулируя некоторые выводы, отметим следующее. Народно-поэтическое песенное наследие семьи переселенцев Рослых стало фундаментом для литературных поисков самого известного представителя рода — поэта Константина Рослого. Традиции, заложенные в творчестве командира партизанского отряда и героя Гражданской войны на Дальнем Востоке, сформировали его духовно-нравственную концепцию. Проанализированные песенные жанры, а именно — воинской песни (рекрутской или солдатской), позволили осмыслить бытовавшую в семье поэта

фольклорную составляющую. Мы предположили, что эти жанры стали особенно близкими поэту, потому что имели личный характер — их можно рассматривать как возможную часть биографии семьи приморского литератора. Жанр воинской песни утверждал единство судьбы человеческой и судьбы народной, «вписанность» индивидуума в исторический и общественно-политический контекст России.

Размышляя о степени достижения цели, необходимо отметить неисчерпанность заявленной темы представленным материалом. Через биографию приморского литератора К. Рослого и его семьи, переселившейся на юг Дальнего Востока России в конце XIX в., прослеживается адаптационный эффект традиционной культуры, прежде всего духовной, выявляются основные тенденции в её эволюции. Осваивавшие русские дальневосточные земли переселенцы окончательно трансформировали и укрепили свою этническую идентичность за счёт русификации сознания. Для новосельцев народно-поэтическое творчество становится нишней, в которой культурное наследие продолжает функционировать.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1056 с.
2. Богораз В.Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1901. 346 с. (Сб. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, т. 68, № 4).
3. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4. Фольклор Приморья: Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток: Дальневост. гос. университет, 1929. 118 с. (Труды Государственного Дальневосточного университета, сер. 3, № 9).
4. Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
5. Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1918—1920. Л.: Прибой; Типо-лит. «Вестник Ленингр. Облисполкома», 1928. 252 с.
6. История основания деревень в Сучанской долине (Партизанском районе) в конце XIX века. URL: <https://textarchive.ru/c-2052452-pall.html> (дата обращения: 28.03.2025).
7. Кантонисты: чем «личные крепостные» Русской императорской армии отличались от обычных крестьян. URL: https://dzen.ru/a/XywV_gAM73NenNQv (дата обращения: 26.03.2025).
8. Кириллова Е.О. Народно-поэтические основы партизанского творчества: жанровые формы в дальневосточной поэзии периода Гражданской войны и интервенции // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 551—555.
9. Кириллова Е.О. Поэт Сучанской долины К. Рослый: дальневосточная поэзия на службе новой идеологии // Россия и АТР. 2023. № 4. С. 150—177.

10. Краюшкина Т.В. Народная песня «Трансвааль» в пространстве русской культуры XX — первой четверти XXI в. // Англо-бурская война 1899—1902 годов: опыт и перспективы исследования: колл. монография / отв. ред. Б.М. Горелик, В.В. Грибанова, А.А. Токарев. М.: Институт Африки РАН, 2023. С. 244—267.
11. Краюшкина Т.В. Народная песня «Трансвааль» в русской прозе 20-х гг. XX в.— начала XXI в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 160—172.
12. Краюшкина Т.В. Песенный фольклор Сибири и Дальнего Востока периода Гражданской войны: сквозь призму традиционных и новых ценностей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. 172 с.
13. Лунин Э. Агитационная литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 1. М.: Изд-во Ком. акад., 1930. Стб. 45—55. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le1/le1-0452.htm> (дата обращения: 26.03.2025).
14. Народные баллады / вступ. ст., подготовка текста и примеч. Д.М. Балашова; общ. ред. А.М. Астаховой. М.; Л.: Советский писатель, 1963. 447 с.
15. Новиков-Даурский. URL: <https://www.amurmuseum.ru/osnovopolozhniki/novikov-daurskij> (дата обращения: 26.03.2025).
16. Пендина П. Кто такие кантонисты. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/kantonisty/> (дата обращения: 26.03.2025).
17. Приморские Рослые. URL: https://forum.vgd.ru/6539/149591/0.htm?a=stdforum_view&o= (дата обращения: 25.03.2025).
18. Пузырёв В.Г. Партизанские поэты Дальнего Востока // Учёные записки Мелекессского государственного педагогического института. Мелекесс, 1963. Т. III. С. 201—247.
19. Солдат // Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=38459> (дата обращения: 25.03.2025).
20. Стрюченко И.Г., Кочешков Н.В., Гирийчук В.Я., Фетисова Л.Е., Предатченко Е.М. История культуры Дальнего Востока России XVII—XX вв. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. 300 с.
21. Судак С.А. Населённые пункты Приморского края (опыт составления Списка, сочетающего исторические и топонимические сведения). URL: <http://relocation.pgpb.ru/rodoved/naspk.html> (дата обращения: 28.03.2025).
22. У ключика у гремучего: дальневосточный фольклор / сост., авт. вступ. ст., предисл. к разделам и примеч. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 254 с.
23. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток: Примор. краев. орг. Добр. о-ва любителей кн. России, 2002. 239 с.
24. Фетисова Л.Е. Воинский фольклор на юге Дальнего Востока России в первые десятилетия XX в. // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. Владивосток: Рея, 2016. С. 236—244.
25. Фетисова Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: сложение и развитие традиций. Владивосток: Дальнаука, 1994. 219 с.
26. Фетисова Л.Е. Песенный фольклор Приамурья в записях М.К. Азадовского // Филология и человек. 2017. № 4. С. 91—101.
27. Фокеев А. Рекрутские обряды. Причтания // А. Фокеев. Неиссякаемый источник. Устное народное творчество. URL: [http://drevne-rus-lit/fokeev-ustnoe-narodnoe-tvorchestvo/rekrutskie-obryady.htm](http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/fokeev-ustnoe-narodnoe-tvorchestvo/rekrutskie-obryady.htm) (дата обращения: 25.03.2025).

28. Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой: сб./ науч. ред. С.И. Красноштанов; сост., comment. и вступ. ст. Л.М. Свиридовской. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 286 с.
29. Щербинин П.П. Жизнь русской солдатки в XVIII—XIX вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79—92.
30. Щербинин П.П. Отражение повседневной жизни солдатских семей в русском фольклоре в XIX в. // Вестник ТГТУ. 2004. Т. 10. № 4Б. С. 1230—1233.
31. Элиасов Л.Е. Амурский фольклор // Приамурье моё: литературно-художественный сборник. Благовещенск: Амурская отд. Хабаровского кн. изд-ва, 1970. С. 354—367.
32. Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 2. Народные прядения. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 480 с.
33. Элиасов Л.Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 3. Локальные песни. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1973. 495 с.
34. Якушкин П.И. Сочинения / сост., вступ. ст. и коммент. З.И. Власовой. М.: Современник, 1986. 590 с.

REFERENCES

1. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [History of Russian Folklore]. Compl. and ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2014, 1056 p. (In Russ.)
2. Bogoraz V.G. *Oblastnoy slovar' kolymskogo russkogo narechiya* [Regional Dictionary of the Kolyma Russian Dialect]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1901, 346 p. (Sb. Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], vol. 68, no. 4). (In Russ.)
3. Georgievskiy A.P. *Russkie na Dal'nem Vostoke. Vyp. 4. Fol'klor Primor'ya: Fol'klorno-dialektologicheskiy ocherk* [Russians in the Far East. Iss. 4. Folklore of Primorye: Folklore Dialectological Essay]. Vladivostok, Dal'nevost. gos. universitet Publ., 1929, 118 p. (Trudy Gosudarstvennogo Dal'nevostochnogo universiteta [Proceedings of the Far Eastern State University], series 3, no. 9). (In Russ.)
4. *Geroicheskaya poeziya grazhdanskoy voyny v Sibiri* [Heroic Poetry of the Civil War in Siberia]. Comp. by L.E. Eliasov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 337 p. (In Russ.)
5. Il'yukhov N., Titov M. *Partizanskoе dvizhenie v Primor'e. 1918—1920* [Partisan Movement in Primorye. 1918—1920]. Leningrad, Priboy Publ., Tipy-lit. «Vestnik Leningr. Oblispolkoma» Publ., 1928, 252 p. (In Russ.).
6. *Istoriya osnovaniya dereven' v Suchanskoy doline (Partizanskom rayone) v kontse XIX veka* [The History of the Villages in the Suchan Valley (the Partizansky District) at the End of the 19th Century]. Available at: <https://textarchive.ru/c-2052452-pall.html> (accessed 28.03.2025). (In Russ.)
7. *Kantonisty: chem «lichnye krepostnye» Russkoy imperatorskoy armii otlichais' ot obychnykh krest'yan* [Cantonists: How the “Personal Serfs” of the Russian Imperial Army Differed from Ordinary Peasants]. Available at: https://dzen.ru/a/XywV_gAM73NenNQv (accessed 26.03.2025). (In Russ.)
8. Kirillova E.O. Narodno-poeticheskie osnovy partizanskogo tvorchestva: zhanrovye formy v dal'nevostochnoy poezii perioda Grazhdanskoy voyny i interventionsii [Folk-Poetic Foundations of Partisan Creativity: Genre Forms

- in Far Eastern Poetry during the Civil War and Intervention]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2024, no. 1 (104), pp. 551—555. (In Russ.)
9. Kirillova E.O. *Poet Suchanskoy doliny K. Roslyy: dal'nevostochnaya poeziya na sluzhbe novoy ideologii* [The Poet of the Suchan Valley K. Rosly: Far Eastern Poetry in the Service of the New Ideology]. *Rossiya i ATR*, 2023, no. 4, pp. 150—177. (In Russ.)
 10. Krayushkina T.V. *Narodnaya pesnya «Transvaal» v prostranstve russkoy kul'tury XX—pervoy chetverti XXI v.* [The Folk Song “Transvaal” in Russian Culture from the 20th Century until the First Quarter of the 21st Century]. *Anglo-burskaya voyna 1899—1902 godov: opyt i perspektivy issledovaniya: koll. monografiya* [The Anglo-Boer War of 1899—1902: Experience and Prospects of Research: Collective Monograph]. Executive ed. B.M. Gorelik, V.V. Gribanova, A.A. Tokarev. Moscow, Institut Afriki RAN Publ., 2023, pp. 244—267. (In Russ.)
 11. Krayushkina T.V. *Narodnaya pesnya «Transvaal» v russkoy proze 20-kh gg. XX v.—nachala XXI v.* [The Folk Song “Transvaal” in Russian Prose from the 1920s until the Early 21st Century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 160—172. (In Russ.)
 12. Krayushkina T.V. *Pesennyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka perioda Grazhdanskoy voyny: skvoz' prizmu traditsionnykh i novykh tsennostey* [Song Folklore of Siberia and the Far East during the Civil War: Through the Prism of Traditional and New Values]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2022, 172 p. (In Russ.)
 13. Lunin E. Agitatsionnaya literatura [Agitation Literature]. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary Encyclopedia]: in 11 vol. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Kom. akad., 1930, column 45—55. Available at: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclo/le1/le1-0452.htm> (accessed 26.03.2025). (In Russ.)
 14. *Narodnye ballady* [Folk Ballads]. Introductory Article, Text Preparation and Notes by D.M. Balashov; general ed. by A.M. Astakhova. Moscow; Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963, 447 p. (In Russ.)
 15. *Novikov-Daurskiy* [Novikov-Daursky]. Available at: <https://www.amurmuseum.ru/osnovopolozhniki/novikov-daurskij> (accessed 26.03.2025). (In Russ.)
 16. Pendina P. *Kto takie kantonisty* [Who Are the Cantonists]. Available at: <https://www.culture.ru/s/vopros/kantonisty/> (accessed 26.03.2025). (In Russ.)
 17. *Primorskie Roslye* [The Rosly Family of Primorye]. Available at: https://forum.vgd.ru/6539/149591/0.htm?a=stdforum_view&o= (accessed 25.03.2025). (In Russ.)
 18. Puzyrev V.G. Partizanskie poety Dal'nego Vostoka [Partisan Poets of the Far East]. *Uchenye zapiski Melekesskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific Notes of Melekess State Pedagogical Institute]. Melekess, 1963, vol. 3, pp. 201—247. (In Russ.)
 19. Soldat [Soldier]. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available at: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=38459> (accessed 25.03.2025). (In Russ.)
 20. Stryuchenko I.G., Kocheshkov N.V., Gririychuk V.Ya., Fetisova L.E., Predatchenko E.M. *Istoriya kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii XVII—XX vv.* [The History of the Culture of the Far East of Russia from the 17th to the 20th Centuries]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1998, 300 p. (In Russ.)
 21. Sudak S.A. *Naselennye punkty Primorskogo kraya (opyt sostavleniya Spiska, sochetayushchego istoricheskie i toponimicheskie svedeniya)* [Settlements of the Primorye Region (Experience in Compiling a List Combining Historical and Toponymic Data)]. Available at: <http://relocation.pgpb.ru/rodoved/naspk.html> (accessed 28.03.2025). (In Russ.)

22. *U klyuchika u gremuchego: dal'nevostochnyy fol'klor* [At the Rattling Key: Far Eastern Folklore]. Compil., Introd., Preface to Sections and Notes by L. Sviridova. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo Publ., 1989, 254 p. (In Russ.)
23. Fetisova L.E. *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'ya* [Belarusian Traditions in the Folk Culture of Primorye]. Vladivostok, Primor. kraev. org. Dopr. o-va lyubiteley kn. Rossii Publ., 2002, 239 p. (In Russ.)
24. Fetisova L.E. *Voinskyi fol'klor na yuge Dal'nego Vostoka Rossii v pervye desyatiletia XX v.* [Military Folklore in the South of the Russian Far East in the First Decades of the Twentieth Century]. *Dal'niy Vostok Rossii i strany Vostochnoy Azii nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny:* sb. nauch. st. [The Far East of Russia and the Countries of East Asia on the Eve and during the First World War: Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, Reya Publ., 2016, pp. 236—244. (In Russ.)
25. Fetisova L.E. *Vostochnoslavyanskiy fol'klor na yuge Dal'nego Vostoka Rossii: slozhenie i razvitiye traditsiy* [East Slavic Folklore in the South of the Russian Far East: Formation and Development of Traditions]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 1994, 219 p. (In Russ.)
26. Fetisova L.E. *Pesennyy fol'klor Priamur'ya v zapisyakh M.K. Azadovskogo* [Song Folklore of the Amur Region in the Records of M.K. Azadovsky]. *Filologiya i chelovek*, 2017, no. 4, pp. 91—101. (In Russ.)
27. Fokeev A. *Rekrutskie obryady. Prichitaniya* [Recruit Rites. Lamentations]. A. Fokeev. *Neissyakaemyy istochnik. Ustnoe narodnoe tvorchestvo* [Inexhaustible Source. Oral Folk Art]. Available at: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/fokeev-ustnoe-narodnoe-tvorchestvo/rekrutskie-obryady.htm> (accessed 25.03.2025). (In Russ.)
28. *Fol'klor Dal'nerech'ya, sobrannyy E.N. Systerovoy i E.A. Lyakhovoy:* sb. [Folklore of Dalnerechye Collected by E.N. Systerova and E.A. Lyakhova: Collection]. Scientific Editor S.I. Krasnoshtanov; Compil. with Comments and Introd. by L.M. Sviridova. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta Publ., 1986, 286 p. (In Russ.)
29. Shcherbinin P.P. *Zhizn' russkoy soldatki v XVIII—XIX vv.* [The Life of the Russian Soldier's Wife in the 18th—19th Centuries]. *Voprosy istorii*, 2005, no. 1, pp. 79—92. (In Russ.)
30. Shcherbinin P.P. *Otrazhenie povsednevnoy zhizni soldatskikh semey v russkom fol'klore v XIX v.* [Reflection of the Daily Life of Soldiers' Families in Russian Folklore in the 19th Century]. *Vestnik TGTU*, 2004, vol. 10, no. 4B, pp. 1230—1233. (In Russ.)
31. Eliasov L.E. *Amurskiy fol'klor* [Amur Folklore]. *Priamur'e moe: literaturno-khudozhestvennyy sbornik* [My Amur Region: Literary and Artistic Collection]. Blagoveshchensk, Amurskoe otd. Khabarovskogo kn. izd-va Publ., 1970, pp. 354—367. (In Russ.)
32. Eliasov L.E. *Russkiy fol'klor Vostochnoy Sibiri. Ch. 2. Narodnye predaniya* [Russian Folklore of Eastern Siberia. Part 2: Folk Legends]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960, 480 p. (In Russ.)
33. Eliasov L.E. *Russkiy fol'klor Vostochnoy Sibiri. Ch. 3. Lokal'nye pesni* [Russian Folklore of Eastern Siberia. Part 3: Local Songs]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1973, 495 p. (In Russ.)
34. Yakushkin P.I. *Sochineniya* [Works]. Compil., Introd. and Commented by Z.I. Vlasova. Moscow, Sovremennik Publ., 1986, 590 p. (In Russ.)